

риков и критиков, которые занимались изучением языков и деятельности народов, как внутренней (таковы, например, обычаи и законы), так и внешней (таковы война, мир, союзы, путешествия, торговля). Все эти и другие аспекты, относимые Вико к «самостоятельности человеческой воли», составляют предмет филологии (76). Фундаментальное различие, отмеченное Вико между науками абстрактными и конкретными, его стремление сохранить за гуманитарными дисциплинами их основное отличительное свойство — «гуманность», «человечность» — не только не утратило своего значения для современности, но, пожалуй, начинает по-настоящему осмысляться и обретать значение только в науке наших дней — второй половины XX в. В настоящее время общественные и гуманитарные дисциплины оказываются перед необходимостью пересмотреть свой категориальный аппарат. Выясняется, например, что «время» становится узловой онтологической проблемой современной философии истории, так как вопрос о содержательной структуре времени вообще не был поставлен в науке вплоть до XX в. «Возможно, что разработка этого понятия, — пишет П. П. Гайденко, — позволит историкам, наконец, освободиться в своих исследованиях от обаяния естественнонаучного метода, который грозит вытеснить человека даже из самой «науки о человеке» — из истории»¹³.

Если в исторической науке ставится вопрос «человека во времени», то в лингвистике он формулируется соответственно как проблема «человека в языке» и «языка в человеке». В сосюрсовской концепции, восходящей к Э. Дюркгейму, считается, что рассматривать язык «в человеке» — «ложная точка зрения»¹⁴. Другое, не менее плодотворное направление в языкознании, представленное, в частности, Э. Бенвенистом, использует эту ложную точку зрения в качестве отправной идеи: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться»¹⁵. Поэтому, как нам кажется, формула «человек — правило вселенной», объясняющая природу «божественных и человеческих вещей», на которой Вико возводит барочное здание своей «Новой науки», заслуживает самой высокой оценки, а его заблуждения и порой несостоятельные доказательства — снисходительной критики, учитывая разную степень научной оснащенности, отделяющую XX столетие от XVIII.

«Новая наука» объединяет огромный материал всеобщей истории культуры, включающий историю отдельных наук и искусства, языка и поэзии, государства и права, материальной культуры и религии, вопросы мифотворчества и детской речи, геральдику и целый ряд других не менее важных аспектов. «Вследствие плачевной темноты причин и почти бесконечного разнообразия следствий, — пишет автор, — философия испытывала чуть не ужас перед рассуждением об этом» (7). Почти в таком же положении, добавим мы от себя, оказывались исследователи, задавшиеся целью определить «предмет» новой науки, разрабатываемой Вико. «Новую науку» определяют как философию истории, философию социологии, как теорию происхождения языка и историческую теорию познания. Как известно, одним из средств, призванных восполнить недостаточность нашей определительной системы, является аналогия, и им прекрасно воспользовался Де Санктис, назвав сочинение Вико «„Божественной комедией“ науки»¹⁶.

¹³ Гайденко П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии XX в. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 262.

¹⁴ См.: Леонтьев А. А. Язык как социальное явление (К определению объекта языкознания). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1976, № 4, с. 300.

¹⁵ Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразования. Вступительная статья. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 15.

¹⁶ De Sanctis F. Storia della letteratura italiana, vol. 2. Bari, 1962, p. 298.